

Эдуард Загорульский

О времени и условиях формирования древнерусской народности

В последние годы древнерусская народность подверглась яростным нападкам. Даже сомнения в ее существовании приняли форму голословного отрицания. Так, в вышедшей в Беларуси большим тиражом книге «100 вопросов и ответов по истории Беларуси» на вопрос: «Была ли древнерусская народность?» дается такой категорический ответ: «Нет, ее придумали русские историки». Как и на заре развития науки об этногенезе славян, предлагается выводить современных русских, украинцев и белоруссов непосредственно из летописных восточнославянских племен, минуя общую для них стадию древнерусской народности, и даже из более древних структур, носителей археологических культур догосударственного периода. Голое отрицание этого основывается не на каких-либо новых научных исследованиях и аргументованном пересмотре прежних представлений об этом важном этапе в истории восточнославянских народов. Все это можно было бы отнести к ряду курьезов нашего политизированного времени, если бы тему о древнерусской народности не исключали из школьных и вузовских программ и учебников по истории.

Хотелось бы этого кому-то или нет, но древнерусская народность — исторический факт. Она в полной мере соответствует требованиям и признакам, которые присущи подобному типу исторической и этнической общности. Вместе с тем, она не была уникальным историческим явлением, присущим только восточно-славянским народам.

Определенные закономерности и факторы обуславливают формы этнических процессов, возникновение этносоциальных обществ с присущими им обязательными признаками. Современная наука рассматривает народность как особый тип этнической общности, который занимает историческую нишу между племенем и нацией.

Переход от первобытности к государственности повсюду сопровождался этнической трансформацией предшествующих этносов и появлением народностей, формировавшихся на основе первобытных племен. Народность, таким образом, — это не только этническая, но и социальная историческая общность людей, характерная для нового и более высокого по сравнению с первобытным (родоплеменным) состоянием общества. У всех славян народности соответствуют способу производства и общественным отношениям.

Политическая система Руси определяла и характер этнического состояния. Племена ушли в прошлое, и их место заняла народность. Как и любая другая

историческая категория, она имеет свои признаки. Важнейшие из них: язык, культура, этническое самосознание, территория. Все это было присуще и населению Руси IX–XIII вв.

Дошедшие до нас разнообразные письменные источники (летописи, литературные произведения, отдельные надписи) свидетельствуют об общем языке восточных славян. Аксиомой является представление, что языки современных восточнославянских народов развились на общей древнерусской основе.

Отдельные факты, не укладывающиеся в эту схему, не могут опровергнуть в целом идею о существовании древнерусского языка. И в западных землях Руси, несмотря на скудость дошедшего до нас лингвистического материала, язык был тот же — древнерусский. Представление о нем дают фрагменты, которые были включены в общерусские своды из местных западнорусских летописей. Особенно показательна прямая речь, адекватная живому разговорному языку этого региона Руси.

Язык Западной Руси представлен и в надписях на пряслицах, обломках посуды, «Борисовых» и «Рогволодовом» камнях, берестяных грамотах. Особый интерес представляет берестяная грамота из Витебска, на которой текст сохранился полностью.

Русь занимала обширные просторы Восточной Европы, и было бы наивно полагать, что древнерусский язык не имел диалектов, местных особенностей. Но они не выходили за рамки диалектов, от которых не свободны и современные восточнославянские языки. Различия в языке могли иметь и социальные корни. Язык образованного княжеского окружения отличался от языка простого горожанина. Последний отличался от языка сельского жителя. Единство языка осознавалось населением Руси и не раз подчеркивалось летописцами.

Единообразие присуще и материальной культуре Руси. Практически невозможно отличить большую часть предметов материальной культуры, изготовленных, например, в Киеве, от аналогичных предметов из Новгорода или Минска. Это же убедительно доказывает существование единого древнерусского этноса.

К числу признаков народности особо следует отнести этническое самосознание, самоназвание, представление людей о своей родине, ее географических пространствах.

Именно формированием этнического самосознания завершается процесс складывания этнической общности. Славянское население Руси, в том числе ее западных земель, имело общее самоназвание («Русь», «русские люди», «русичи», «русинь») и осознавало себя как один народ, живущий на одном географическом пространстве. Осознание единой Родины сохранялось и в период феодальной раздробленности Руси.

Общее этническое самосознание закрепилось на Руси рано и очень быстро. Уже первые дошедшие до нас письменные источники убедительно говорят об этом (см., например, «Договор Руси с греками» 944 г., заключенный от «всех людей Руския земля»).

Этнонимы «русин», «русич», не говоря уже о названии «русский», функционировали и во времена Великого княжества Литовского, и Речи Посполитой. Белорусский первопечатник Франциск Скорина (XVI в.) в полученном им дипломе Падуанского университета назван «русином из Полоцка». Название «русский» — общее самоназвание восточных славян, показатель единого восточнославянского этноса, выражение его самосознания.

Осознание русским народом единства своей территории (не государства), которую он должен был защищать от иноземцев, особенно сильно выражено в «Слове о полку Игореве» и «Слове о погибели Русской земли».

Единый язык, одна культура, название, общее этническое самосознание — такой мы видим Русь и ее население. Это и есть единая древнерусская народность. Осознание общего происхождения, единых корней — характерная черта менталитета трех братских восточнославянских народов, которые они пронесли через столетия, и о чем нам, наследникам Древней Руси, никогда не следует забывать.

Несомненный факт реального существования древнерусской народности отнюдь не означает, что в этом вопросе отсутствуют неисследованные аспекты.

В советской историографии получила распространение идея, что формирование древнерусской народности происходило в период существования Древнерусского государства на базе восточнославянских группировок («летописных племен»), объединенных в рамках одного государства. В результате укрепления внутренних связей (экономических, политических, культурных) постепенно нивелировались племенные особенности и утверждались единые черты, свойственные единой народности. Завершение процесса формирования народности относили к XI–XII вв. Такая идея, как теперь выясняется, была порождена ошибочным представлением об автохтонности славянского населения на всем пространстве Древнерусского государства. Это позволяло предполагать, что славяне прошли здесь путь от первичных племен к племенным союзам, а после объединения союзов эволюционировали в рамках Древнерусского государства.

С точки зрения современных представлений о механизме этнообразования, такой путь формирования древнерусской народности выглядит парадоксальным, вызывает вопросы и даже сомнения. В самом деле, в условиях расселения восточнославянского этноса на больших пространствах в те исторические времена, когда еще не сложились в достаточной мере экономические предпосылки для глубокой интеграции, регулярных внутриэтнических контактов, охватывающих всю занятую восточными славянами обширную территорию, трудно представить причины нивелировки местных этнокультурных особенностей и утверждения общих черт в языке, культуре и самосознании, т. е. всего того, что присуще народности. Трудно согласиться с таким объяснением, когда в качестве основного теоретического аргумента выдвигается факт образования Киевской Руси. Ведь политическая подчиненность отдельных земель киевскому князю не могла стать ведущим фактором новых этнообразовательных процессов

и внутриэтнической консолидации. Конечно, имели место и другие факторы, которые способствовали интеграционным процессам. Но есть один очень важный теоретический момент, который не позволяет принимать традиционное объяснение механизма образования древнерусской народности.

Известно, что большая территория расселения этноса в условиях господства натурального хозяйства и слабого развития экономических связей не только затрудняет внутриэтнические контакты, но и является одной из причин возникновения местных культурно-этнических особенностей. Именно в результате расселения на больших пространствах распалась праиндоевропейская общность и возникла индоевропейская семья народов. Также выход славян за пределы своей прародины и расселение их на большой территории привели к их разделению на отдельные ветви. Это общая закономерность этногенеза народов. Большинство ученых пришло к выводу, что новые этносы возникают и первоначально обитают на небольшой территории. Поэтому трудно согласиться с утверждениями, что формирование древнерусской народности проходило на всей обширной территории Руси XI–XII вв.

Другим мощным «разрушительным фактором», приводящим к распаду этносов, является действие этнического субстрата. Уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что восточным славянам на территории их расселения предшествовали разные неславянские народы (балтские, финноугорские и др.), с которыми славяне поддерживали активные межэтнические отношения. Это тоже не способствовало консолидации восточнославянского этноса. Славяне, несомненно, испытали на себе разрушительное действие разных субстратов. Иными словами, с позиций территории этногенеза традиционное объяснение механизма формирования древнерусской народности выглядит уязвимо. Нужны иные объяснения, и они есть.

Безусловно, история восточных славян развивалась по иному сценарию, и основы древнерусской народности вызревали значительно раньше и далеко не на всей территории будущей Руси. Наиболее вероятным очагом восточнославянского расселения была относительно небольшая область, включающая южную Белоруссию и северную Украину, куда приблизительно в VI в. мигрировала часть племен с культурой пражского типа. Здесь постепенно сложился ее своеобразный вариант, получивший название Корчак. До прихода славян в этом регионе были распространены археологические памятники, близкие банцеровско-колочинским, которые не выходили за рамки балтского гидронимического ареала, и потому могут быть соотнесены с балтскими племенами.

В археологических комплексах Корчак встречаются предметы, относящиеся к названным памятникам или связанные с ними по происхождению. Это свидетельство смешения славян с остатками местного балтского населения. Существует мнение, что балтское население здесь было сравнительно редким. Когда в VIII–IX вв. на основе культуры Корчак разовьется культура типа Луки

Райковецкой, в ней уже не будут прослеживаться элементы, которые можно было соотнести с балтами.

Следовательно к VII в. ассимиляция балтов здесь завершилась. Славяне этой области, включая часть местного населения, могли испытать воздействие балтского субстрата, возможно незначительного, но сказавшегося на их культурной и этнической природе. Это обстоятельство могло положить начало выделению их как особой (восточной) группы славян.

Возможно, именно здесь были заложены основы восточнославянского языка.

Только на этой территории Восточной Европы сохранилась раннеславянская гидронимика. К северу от Припяти ее нет. Там славянская гидронимика относится к восточнославянскому лингвистическому типу. Отсюда можно сделать вывод, что, когда позже славяне начали расселяться по пространствам Восточной Европы, их уже нельзя отождествлять с общеславянским этносом. Это была выделившаяся из раннеславянского мира группа восточных славян со специфической культурой и особым (восточнославянским) типом речи. В связи с этим стоит вспомнить высказанную А. Шахматовым догадку о формировании восточнославянского языка на относительно небольшой территории украинской Волыни и о миграции восточных славян отсюда в северном направлении. Эту область вместе с южной Белоруссией можно считать прародиной восточных славян.

Во время пребывания славян на этой территории у них произошли важные изменения: нивелировались некоторые племенные особенности, которые могли быть в начальном периоде миграции из прародины; сложились основы восточнославянского строя речи; оформился присущий им тип археологической культуры. Есть основания предполагать, что именно в это время за ними закрепилось общее самоназвание «Русь» и возникло первое восточнославянское государственное объединение с династией Кия. Таким образом, именно здесь сложились основные признаки древнерусской народности.

В таком новом этническом качестве восточные славяне в IX–X вв. стали заселять земли севернее Припяти, которые Константин Багрянородный называет «Внешней Русью». Вероятно, эта миграция началась после утверждения в Киеве Олега. Славяне расселились как один народ со сложившейся культурой, что предопределило единство древнерусской народности на длительное время. Археологическим свидетельством этого процесса является повсеместное распространение сферических курганов с одиночными трупосождениями IX–X вв. и появление первых городов.

Историческая обстановка способствовала быстрому и успешному расселению восточных славян, поскольку этот регион уже контролировался Олегом и его приемниками.

Славяне отличались более высоким уровнем хозяйственного и социального развития, что тоже способствовало успеху расселения.

Относительно поздняя миграция восточных славян за пределы своей прародины как достаточно монолитной общности ставит под сомнение существование

у тех из них, что расселились северней Припяти, так называемых племенных союзов (кривичи, дреговичи, вятичи и др.). Славяне уже успели выйти за рамки племенного строя и создать более прочную этническую и политическую организацию. Однако, расселившись на больших пространствах, древнерусский этнос оказался в сложной ситуации. На этой территории продолжали оставаться разные группы местного неславянского населения. На землях современной Белоруссии и Смоленщине жили восточные балты; на северо-востоке Руси проживали финно-угорские народы; на юге — остатки ираноязычных и тюркских народов.

Славяне не истребили и не вытеснили местное население. В течение нескольких веков здесь имел место симбиоз, сопровождавшийся постепенным смешением славян с различными неславянскими народами.

Восточнославянский этнос испытывал воздействие различных сил. Одни из них способствовали утверждению единых, свойственных народности начал, другие, наоборот, — возникновению у них локальных особенностей как в языке, так и в культуре.

Несмотря на сложную динамику развития, древнерусский этнос оказался под воздействием интеграционных сил и процессов, цементирующих его и создававших благоприятные условия не только для сохранения, но и углубления единых этнических начал. Мощным фактором сохранения этноса и этнического самосознания был институт государственной власти, единая княжеская династия Рюриковичей. Войны и совместные походы против общих врагов, которые были характерны для того времени, в немалой степени укрепили общую солидарность и способствовали сплочению этноса.

В эпоху Древней Руси, несомненно, усилились экономические связи между отдельными русскими землями. Огромная роль в формировании и сохранении единого этнического самосознания принадлежала церкви. Приняв христианство по греческому образцу, страна оказалась как бы оазисом среди народов, исповедовавших либо другую религию (язычники: кочевники на юге, Литва и финоугры на севере и востоке), либо принадлежавших к другой христианской конфессии. Это формировало и поддерживало идею самобытности народа, его отличие от других. Чувство принадлежности к определенной вере — настолько сильный и объединяющий людей фактор, что нередко заменяет этническое самосознание.

Церковь сильно влияла на политическую жизнь страны и формировала общественное мнение. Она освящала княжескую власть, укрепляла древнерусскую госудаственность, целенаправленно поддерживала идею единства страны и народа, осуждала междоусобицы и разделение. Идеи единой страны, единого народа, его общих исторических судеб, ответственности за ее благополучие и безопасность сильно способствовали формированию древнерусского этнического самосознания. Распространение письменности и грамотности сохраняло

единство языка. Все эти факторы способствовали упрочнению древнерусской народности.

Таким образом, основы древнерусской народности были заложены в VI–XI вв. после расселения части славян на относительно компактной территории южной Белоруссии и северной Украины. Расселившись отсюда в IX–X вв. как один народ, они смогли надолго сохранить свою цельность в условиях древнерусской государственности, развить экономику, культуру, усилить этническое самосознание.

Вместе с тем, древнерусская народность попала в зону действия разрушительных сил: территориальный фактор, разные этнические субстраты, углубление феодальной раздробленности, а позже — политическое размежевание. Восточные славяне оказались в такой же ситуации, что и ранние славяне после их расселения за пределами прародины. Сработали законы этногенеза. Эволюция древнерусского этноса имела тенденцию к накоплению элементов, ведущих к дифференциации, что явилось причиной постепенного разделения его на три народа — русских, украинцев и белоруссов.